

Страницы псковского краеведения

Н. Ф. Левин

Педагог, писатель и краевед Николай Иванович

Изучающим биографию Николая Ивановича Иваницкого повезло. В мае 1843 года, когда ему уже минуло 27 лет, он решил вести дневник, а предварительно вспомнить прожитые годы. Толчком послужило чтение статьи Гёте «Wahrheit und Dichtung» («Правда и вымысел»), хотя, в отличие от немецкого классика, за мемуары он взялся не для читателей, а для самого себя. Работа над воспоминаниями продолжалась семь месяцев, и только 17 декабря была сделана первая дневниковая запись. Впрочем, более или менее регулярно они велись года три, затем – с большими перерывами, а в декабре 1848 года вовсе прекратились.

Ни воспоминания, ни тем более дневник, в котором прямо порицался самодержавный строй России и приветствовались революционные события в Европе 1840-х годов, Иваницкий действительно не публиковал. Они увидели свет только через 50 лет после его смерти в восьмом выпуске известных «Щукинских сборников» за 1909 год, издававшихся музеем Петра Ивановича Щукина – отделением Императорского Российского исторического музея имени Александра III. Они заняли 140 страниц крупноформатного сборника и назывались «Автобиография Николая Ивановича Иваницкого».

Левин Натан Феликсович – псковский краевед

В научном мире эта публикация стала наиболее востребованным произведением Иваницкого. «С любезного позволения П. И. Щукина» уже в октябрьский номер «Русского архива» П. И. Бартенев включил наиболее интересные выдержки, назвав их «Из биографии Н. И. Иваницкого». Интерес к его автобиографии не случаен. Иваницкий, как очевидец, рассказал о многих событиях времени его учёбы в столице: открытие Александровской колонны на Дворцовой площади, переезд университета на Васильевский остров, пожар в Зимнем дворце, разговоры о дуэли и смерти Пушкина, упомянул приписываемое ему грустное обращение к жене:

*«Люблю тебя, моя комета,
Но не люблю твой длинный хвост»...*

Эта часть мемуаров Иваницкого сразу была включена в 13-й выпуск сборника «Пушкин и его современники», вышедший в 1910 году, а позднее, в 1931 году, М. А. Цявловским – в «Книгу воспоминаний о Пушкине».

Мемуары Иваницкого позволяют воссоздать немало страниц его биографии. Со слов родителей он указал, что родился 2 (16) января 1816 года в деревне Широгорье, в 25 верстах от уездной и губернской Вологды. К сожалению, сведений о родителях там почти нет. Лишь в конце дневника, говоря о смерти матери от

холеры 3 июля 1848 года, Н. И. упомянул, что отцу скоро будет 70 лет, из которых 35 он был женат. Биографический словарь «Русские писатели. 1800-1917» (т. 2, М., 1992, с. 366) в статье о старшем брате Николая – Александре Ивановиче Иваницком, опубликовавшем в 1839-1844 годах пять романов и повестей, отметил лишь: «Из обер-офицерских детей». Ко времени рождения Николая отец уже не служил в армии, с 1817 года работал управляющим Серёговским солеваренным заводом купца Рыбникова в Яренском уезде. В 1823 году семья переехала в Вологду и вскоре приобрела там собственный дом. Для первоначального обучения Николая наняли семинариста.

В 1824 году, несмотря на малолетство, Николая приняли в гимназию. Уже там проявились его литературные увлечения. С 4-го класса он начал писать стихи, позднее вместе с одноклассниками выпускал рукописный журнал «Василёк». Свою басню «Голубь и муравей» ему разрешили прочесть в 7 классе на торжестве по случаю введения новых штатов гимназии. Тогда же он переложил на стихи прозаический перевод идиллии швейцарского поэта Соломона Геснера «Миртилл», сочинил стихотворную повесть «Хижина». На торжественном акте после 7-го класса Иваницкий сделал сообщение «О влиянии монголо-татарского владычества на Россию».

После обязательного семиклассного курса гимназисты по совету учителя остался в дополнительном, 8-м классе, чтобы подготовиться к поступлению в университет. Окончив учёбу в гимназии, написав перед отъездом стихотворение «Прости», Николай 23 августа 1833 года отправился в Петербург. Вступительные экзамены на первое, историко-филологическое отделение философского факультета он сдал блестяще, и всё же после настойчивых просьб ему удалось поступить на «казённый кошт».

Портреты Н. Иваницкого неизвестны. Поэтому, чтобы представить, как он выглядел в те первые студенческие годы, воспользуемся его воспоминаниями. *«Я был, в полном смысле, прекрасный юноша: цвету и милому выражению лица все завидовали; голова моя была сформирована счастливо, лоб широкий и полный, нос прямой и довольно длинный; брови и волосы тёмные; грудь широкая и сильная; шея жилистая и крепкая; голос звучный и прият-*

ный; ростом был немногим ниже теперешнего, а теперь рост мой 2 аршина 8 вершков (178 см – Н. Л.). В нравственном отношении я также имел довольно счастливую организацию. Я мог скоро усвоить всё и применять каждую мысль к жизни; память имел хорошую, воображение живое; был чувствителен и добр даже до самоотвержения; только мечтательность развита была в высшей степени. Одним словом, я имел самое счастливое сложение тела и души». Заметим, что и пишет он бойко.

Естественно, что на историко-филологическом отделении молодой студент продолжал свои литературные опыты. Вспоминая о рукописном студенческом журнале, он самокритично признавался: *«Я по обыкновению был самым ревностным сотрудником: писал много, но для того только, чтобы написать, а об усовершенствовании и не думал».* Журнал издавался довольно просто: кто хотел, переписывал своё сочинение, а затем они сшивались в одну тетрадь. Впрочем, уже первая его публикация в журнале (стихотворный перевод с польского небольшой поэмы Юлиуша Словацкого «Исповедь монаха») принесла ему уважение со стороны студентов. Вскоре он получил прозвище «Гёте», так как долго занимался переводами его поэмы «Герман и Доротея». На Иваницкого обратили внимание и преподаватели русской словесности университета Пётр Александрович Плетнёв и Александр Васильевич Никитенко. Они нашли ему частные уроки, без которых он бедствовал на первом курсе. А также отстояли после второго курса, когда он не уделил внимания древним языкам и всеобщей истории, и 23 августа 1835 года Министр народного просвещения *«по малоуспешности»* наметил Иваницкого к назначению в учителя. По просьбе профессоров Министр в ноябре распорядился оставить его в университете до окончания полного курса.

В Пскове

Посещая литературные «среды» Плетнёва и «пятницы» Никитенко, Николай Иваницкий познакомился со многими известными писателями и, как вспоминал позднее, именно там *«образовал свой вкус».* На последних курсах сбоев в учёбе больше не было, выпускные

экзамены прошли успешно, и Иваницкий закончил университет со степенью кандидата. 21 июня 1838 года его назначили старшим учителем логики и русской словесности Псковской мужской гимназии. *«Этот звук был совершенно новым для меня, и я никак не мог представить себе, что это за город Псков. Впрочем, лучшего места нельзя было и желать»*, так как в столице вакансий не было, а от предложения преподавать историю в Вологде он отказался. *«Моим предметом была словесность!»*.

В наш город Иваницкий приехал 3 августа. *«Жизнь во Пскове мне сначала очень нравилась. Климат прекрасный и очень благотворный; при каждом почти доме сад, где на открытом воздухе растут разных сортов яблони, вишни, сливы, крыжовник и пр. Город древний; кругом его стены с башнями; много старинных домов, самые названия улиц и кварталов напоминают о временах республиканских. Река быстрая и широкая. В городе находится дивизионный штаб и постоянно стоит Екатеринбургский гренадерский полк. Гимназия тоже понравилась с первого разу. Директор (Илларион Николаевич Скрыдлов) оказался очень добрым, инспектор (барон Мену) тоже. Оба они приехали во Псков за несколько дней до меня: один переведён был из Архангельска, а другой из Новгорода. Прочие учителя тоже хорошие люди... Директор очень любил меня, но инспектора мы скоро узнали хорошо; это был в превосходной степени дурак, подлец и шарлатан, ... забрал в руки директора и играл им, как куклой»*.

Несколько учителей гимназии вместе с Иваницким сначала поселились на Завеличье в большом доме петергофского священника, а к Рождеству переехали ближе к гимназии в дом с прекрасным садом на берегу Великой около Покровской башни. На годичном торжественном акте 4 декабря 1838 года Иваницкий сделал сообщение о состоянии русской литературы во второй половине XVIII и в начале XIX столетия, произвёл сильное впечатление на многочисленных приглашённых лиц. К нему подошёл знакомиться бывший вице-губернатор А. Е. Деденёв; дивизионный генерал барон Розен пригласил учить своего сына, а ссыльный участник польского восстания Адам Гуровский просил давать ему уроки русского языка.

Псковские древности сразу привлекли внимание Иваницкого. Об этом свидетельствует, в частности, его описание своей поездки из Пскова в Прибалтику летом 1839 года. В полутора верстах от городской заставы пугники *«остановились у Печорской часовни* (так автор называл часовню Владычного креста, возле которой проходил крестный ход из Печорского монастыря. – Н. Л.). *Часовня эта древняя. На стене висит картина аришна два с половиной в длину, изображающая осаду Пскова Баторием. Работа лубочная. Большие нет здесь никаких украшений...*

Перед рассветом показалась Изборская крепость. Она построена на высокой горе; архитектура её такая же, как и архитектура стен и башен Пскова. Вся она выстроена из известкового плитняка; стены без зубцов; некоторые башни полуразвалились. Мы въехали в деревеньку, состоящую из длинного ряда плоских домиков и расположенную вокруг подошвы горы, на которой стоит крепость. Эта-то деревенька и называется защитным городом Изборском. Остановились у дьякона. После чая пошёл на курган за домом дьякона и срисовал вид Изборской крепости. Осматривать крепость было некогда. Впрочем, дьякон рассказал, что все лестницы в стенах развалились, своды подземных ходов обрушились и, следовательно, нечего было и любопытствовать.

Кроме того, дьякон рассказал ещё, что Стефан Баторий стоял под Изборской крепостью 7 лет, что осаждённые вынесли наконец на башню образ Божьей Матери, что Она осенила короля и навела на него такой страх, что он бежал без оглядки, что воеводы русские напали на бегущие толпы неприятелей и совершенно разбили их. Бедный Баторий! - подумал я. - Глупый дьякон так бессмысленно пятнает славную память твою!».

В «Истории княжества Псковского», составленной киевским митрополитом Евгением (Болховитиновым), бывшим архиепископом псковским, Иваницкий считал лучшим эпизодом описание войны 1581-82 годов. По этому материалу он подготовил сообщение для очередного торжественного акта. Оно было прочитано гимназистом 6 класса А. Песьяцким 19 декабря 1839 года, а затем 21 февраля 1840 года напечатано по просьбе Иваницкого в «Псковских губернских ведомостях»

под заглавием «Осада Пскова Баторием», но без указания автора.

В Вологодской гимназии открылась вакансия учителя русской словесности, и Иван Иваницкий, отец Николая Ивановича, перед Пасхой 1840 года обратился к попечителю Петербургского учебного округа князю М. А. Дондукову-Корсакову с просьбой о переводе сына в Вологду. На запрос попечителя Н. И. ответил согласием. В распоряжении о переводе от 30 апреля 1840 года указывалось, что отправляться к новому месту службы можно только после окончания экзаменов.

В последнее время перед отъездом Иваницкий «часто бывал у знакомых и гулял по городу. Псков стоит того, чтобы помянуть на развалинах его. Под всем городом подземелья. Что шаг, то и памятник... Подле собора стоял дом, принадлежавший некогда тиунам, но он летом 1839 года упал... Недалеко от гимназии, на так называемой Большой улице, стоит часовня Красный крест. Предание говорит, что когда поляки Батория ворвались в пролом, то на этом самом месте они были отражены и погнаны назад. Тут, говорят, нашли церковный окровавленный крест. Вероятно, какой-нибудь священник выходил с ним, но был убит. Два квартала от этой часовни до пролома до сих пор называются Полонищем. Пролом начинается от самой Свиносской башни и продолжается сажень на 30 к Покровской башне. Он был заложен кирпичом, но наскоро, и потому теперь кирпич развалился, так что зимой тут ездят. Недалеко от пролома находится церковь Рождества Богородицы, сооружённая в память отражения приступа 8 сентября 1581 года.

Покровская башня - самая большая, находится на берегу Великой. У неё оканчивается городской ров. Весною снег, растаяв во рву, стремится с крутого берега в реку водопадом. Жители говорят, что Покровский бык заревел, и замечают, что река вскрывается после этого через 12 дней. Замечательно ещё ежегодное наводнение реки Псковы. Она впадает в Великую в самом городе. Оба берега Псковы сажень на 20 отлогие, а потом круто поднимаются высокими скалами. На отлогости стоят дома в один ряд. Когда Великая вскрывается, жители этих домов начинают перебираться в верхние этажи, потому что вода в Пскове

вдруг, в продолжении двух или трёх часов, поднимается сажени на 3 и на 4, - и потом опять так же скоро спадает.

Церквей во Пскове около 70, и все они, за исключением очень немногих новых, чрезвычайно малы; вместо колоколен над папертями выстроены низенькие стенки с двумя или тремя окнами, где висят колокола; звонят с земли». Несмотря на сомнительность легенд, заметки Иваницкого о Пскове представляют некоторый интерес.

Сразу после экзаменов Николай Иванович уехал из Пскова. Таким образом, в первый раз молодой, 22-24-летний педагог проработал здесь два учебных года. И сам удивлялся в мемуарах, что «последний год в университете и два года во Пскове решительно не писал (стихов). Во Пскове написано было только одно стихотворение к К. А. Я. Оно есть в моей книге». П. И. Бартечев, основываясь, вероятно, только на воспоминаниях Иваницкого, указал в краткой справке о нём, помещённой в «Русском архиве» после публикации «Биографии»: «Стихотворения Иваницкого изданы особою книжкою». Однако, в отличие от остального списка его трудов, Бартечев не привёл ни названия книги, ни исходных данных. В других библиографических изданиях она вообще не упоминается. Нет её и в фондах Российской национальной библиотеки Петербурга. Из мемуаров Иваницкого видно, что основная часть стихов, вошедших в сборник, сочинена не позднее 1844 года, и можно предположить, что он печатался в Вологде.

В Вологде

Служба Иваницкого в Вологодской гимназии продолжалась четыре учебных года и была весьма успешной. Он вспоминал: «Дела в гимназии шли хорошо: сам я очень порядочно занимался, да приучил учеников к занятиям; они полюбили словесность... (и) меня всем сердцем, так же, как и я их». Ломяя сложившиеся традиции, талантливый педагог приучил гимназистов не зубрить, а понимать и анализировать произведения.

Росла его популярность и в вологодском обществе. Для торжественного акта 1840 года Иваницкий подготовил «Рассуждение о состоянии отечественной словесности во второй

половине XVIII и в первой половине XIX столетия», то есть расширенный вариант доклада, читанного в Пскове. Оно имело успех, и «начальство тотчас провозгласило меня оратором». На следующем публичном акте 23 ноября 1841 года он декламировал в гимназии своё стихотворение «Бородинская битва», а один из его учеников читал составленное Иваницким сообщение «Приступ Батория ко Пскову». На торжественном акте 15 июня 1842 года он произнёс речь «О современном значении поэзии в России». Рукописные тексты стихотворения «Бородинская битва» и этой речи хранятся в Историческом архиве Петербурга и Ленинградской области (ф. 139, оп. 1, дд. 4795, 4740).

В 1841 году по случаю посещения гимназии вологодским епископом Иннокентием (И. А. Борисовым – будущим известным богословом и проповедником) Иваницкий сочинил «Кант», пропетый гостю. Вместе с владыкой в гимназии побывал профессор русской истории Михаил Петрович Погодин, путешествовавший по северо-восточной России. Познакомившись с ним, Иваницкий при новой встрече передал ему часть собранных им образцов местного фольклора. Как раз в том году Погодин приступил к изданию литературно-научного журнала «Москвитянин», и в его № 12 опубликовал полученные от Иваницкого «Причитания невесты в Вологодской губернии». Письмом от 15 сентября 1841 года он сообщил Погодину, что имеет до трёхсот народных песен и десяток сказок (Рукописный отдел РНБ, фонд Погодина).

В эти годы в Вологде Николай Иванович сочинил немало стихов, как собственных, так и переводных. Некоторые из них в 1842-43 годах ему удалось поместить в «журнале современного просвещения, искусства и образованности в духе русской народности «Маяк». В 1842 году там печатались упомянутое стихотворение о Бородинской битве и лирические стихи «Могильный цветок» (т. 2, кн. 3), «Весна» (т. 4, кн. 8), в 1843 г. – «Падучая звезда» (т. 7, кн. 14) и переводные из Шиллера «Четыре века» (т. 9, кн. 17). Журнал издавал весьма своеобразный человек: сын адмирала Степан Бурачок окончил Училище корабельной архитектуры, строил корабли в Астрахани, преподавал в Морском корпусе, пытался объединить в своём журнале и литераторов и учёных, публикуя также научные статьи, резко критиковал Жуковского,

Пушкина, Лермонтова за недостаточную религиозность. В его журнал Иваницкий обратился, вероятно, потому, что раньше, с 1840 года, в «Маяке» печатался старший брат Александр.

Эти разнообразные занятия не помешали Иваницкому совершенствовать методы преподавания. Многие страницы его дневника заполнены рассуждениями о педагогике. «Я забочусь больше всего о простоте и истине, а это – главное в учебнике». Тот же журнал «Маяк» в 1842 году (т. 4 кн. 7, с. 23-64) опубликовал его статью «О способе преподавания логики в гимназиях и о руководстве к логике Рождественского» с критикой этого учебника и схоластического преподавания предмета. «Журнал Министерства народного просвещения» одобрительно откликнулся на статью. Однако сам Иваницкий хотя и радовался положительной рецензии, но возмущался, как журнал правил его статью. В письме от 14 ноября 1842 года он жаловался А. В. Никитенко: «С негодованием увидел я, что г. Бурачок прибавил к ней целых три страницы похвал своему журналу, ввёл неосновательные отзывы о логике г. Новицкого и две остроты (очень плоские): одну о профессорах, а другую о греках, - одним словом исказил статью, которая заключала личную мою исповедь, такими выходками, от которых всякий благонамеренный человек покраснел бы до ушей» (ИРЛИ, шифр 18532).

Осенью 1843 года Иваницкий работал над учебником по риторике (науке об ораторском искусстве), но решил до печатания посоветоваться с университетскими профессорами, на личную встречу с которыми надеялся. В это время через столичных покровителей он хлопотал о месте в столичной гимназии. Провинциальная жизнь ему надоела, о вологодском обществе он отзывался неодобрительно. В марте 1844 года в Вологду приезжал инспектор учебного округа Максимович. Ознакомившись с сочинениями гимназистов, он заявил, что не видел таких интересных работ ни в одной гимназии, и обещал помочь с переездом.

В Петербурге

Официального перевода Иваницкий так и не дождался. После окончания учебного года он подал прошение об освобождении от служ-

бы в Вологодской гимназии и на свой риск 9 июля 1844 года отправился в столицу. 25 августа ему удалось устроиться по вольному найму заместителем преподавателя Корпуса инженеров путей сообщения, а также получить частные уроки. Только через два года осуществились его первоначальные мечты: 25 октября 1846 года Иваницкого определили старшим учителем русской словесности в 5-ю Петербургскую гимназию. Именно там за Иваницким прочно закрепилась репутация *«педагога мыслящего и опытного в своём деле»* (А. Радонежский. Историческая записка 5-й С.-Петербургской гимназии. СПб., 1874 г.). «Русский биографический словарь» А. Половцева (1897 г.), а вслед за ним П. И. Баргенов в «Русском архиве» (1909 г., № 10) характеризовали его: *«Преданный своему делу, любимый начальством и учениками, многосторонне образованный, Иваницкий по справедливости считался одним из выдающихся педагогов своего времени»*.

Его последней публикацией в журнале «Маяк» стала критическая статья «К русским поэтам» (1844 г., т. 16, кн. 32), в которой он говорил об ответственности авторов за формирование общественного мнения и воспитание вкуса читателей. Осознав, что этот журнал – *«голос фанатика, который ругает всё, что только не взято из Библии»*, а сатиру и комедию считает противными христианству, Иваницкий прекратил там печататься.

К тому же он стал пробовать себя в различных жанрах. В «Современнике», издававшемся после смерти Пушкина покровителем Иваницкого П. А. Плетнёвым, в 1846 году появились две работы Николая Ивановича: в 42-м томе – некролог «Г. Ф. Пухта, знаменитый берлинский правовед», а в 43-м томе – перевод с немецкого «Из записок Гёте». По роману Вальтера Скотта «Оклен Камерон» Иваницкий подготовил драму в 5 действиях «За короля», которую в 1847 году играли в столице на сцене Императорского Александринского театра. Его повесть «Натальин день», рисующую быт городских обывателей, известный издатель А. А. Краевский напечатал в апрельской книжке «Отечественных записок» за 1849 год (т. 63).

К творчеству Н. В. Гоголя Иваницкий имел особый интерес, и не только как любой учитель русской литературы и его современ-

ник. Гоголь, сомневавшийся в своём литературном таланте даже после выхода в 1831-32 годах двух книжек «Вечеров на хуторе близ Диканьки», решил заняться преподаванием истории. С сентября 1834 года он читал курс истории средних веков студентам 2 курса филологического отделения Петербургского университета, среди которых был и Иваницкий. В его мемуарах об этом сказано очень кратко: *«Первая его лекция была превосходна; но чем дальше, тем хуже: он редко ездил на лекции и ничего почти не читал»*. В результате Иваницкий, который не стал готовиться по учебнику, получил на экзамене по этому предмету единицу и чуть не выбыл из университета.

В дневниковых записях октября 1846 года по поводу выхода книги «Выбранные места из переписки с друзьями» Иваницкий воскликнул: *«Что за нелепый мистицизм! Можно ли узнать Гоголя! Гоголь решительно, кажется, погиб для литературы»*. Впрочем, как литератор, Иваницкий продолжал изучать биографию Гоголя, старался выявить забытые страницы его жизни. Она закончилась 21 февраля 1852 года. «Отечественные записки» уже в апрельской книжке за 1852 год (т. 81) напечатали очерк Иваницкого «Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя», посвящённый его детству, гимназическим годам, ранним произведениям. Вскоре там же в октябрьском номере под псевдонимом появились «Заметки для биографии Гоголя». В них утверждалось, что Гоголь, не доверяя себе, как лектору, пригласил на лекцию Пушкина и Жуковского; в октябре 1834 года те приехали, но Гоголь якобы не явился, как не приехал и на экзамен студентов. Ответ Иваницкого в виде письма к издателю появился в февральской книжке «Отечественных записок» за 1853 год (т. 86). Он рассказал о первой, блестящей, явно заранее написанной лекции Гоголя, о дальнейших бесцветных, скучных лекциях, о хорошей лекции, посвященной переселению народов, прочитанной в присутствии Пушкина и Жуковского. На экзамене вопросы задавал ректор, а Гоголь сидел в стороне и ни во что не вмешивался.

Критик и историк литературы П. В. Анненков (1813-1887) назвал эти воспоминания Иваницкого превосходными, *«передающими нам физиономию Гоголя в урывках, но удивительно живо и верно»*. Они оказались востре-

бованными, были включены в сборники «Гоголь в воспоминаниях современников» (М., 1952) и «Ленинградский университет в воспоминаниях современников» (Л-д, 1963, т. 1).

Между тем популярность Иваницкого, как опытного педагога, продолжала расти. По поручению нового попечителя Петербургского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина он разработал методические указания по преподаванию логики и русской словесности в гимназиях. В 1852 году по предложению попечителя его назначили инспектором той же 5-й гимназии. Иваницкий вряд ли предполагал, что это ненадолго.

Снова в Пскове

21 июля 1853 года скончался директор училищ Псковской губернии статский советник Илларион Николаевич Скрыдлов, проработавший в Пскове 13 лет. Приближался новый учебный год, и в столице быстро решили вопрос о новом директоре. «Псковские губернские ведомости» 16 сентября известили местную публику, что *«Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 23 августа № 165 инспектор 5-й С.-Петербургской гимназии надворный советник Иваницкий назначен директором училищ Псковской губернии»*.

Даже в дореволюционной литературе говорилось, что Н. И. Иваницкий был директором Псковской гимназии. Это не совсем точно. Тогда отдельной должности директора в губернской гимназии не существовало, а в ведении директора училищ Псковской губернии находилась не только единственная в губернии мужская гимназия, но и 8 уездных, 10 приходских и 26 волостных училищ (женских гимназий вообще ещё не было). Неточность вызвана тем, что фактически директор училищ губернии непосредственно руководил мужской гимназией, а в каждом уездном училище был свой штатный заведующий, называемый смотрителем. Поэтому наибольшее внимание директору училищ приходилось уделять руководству гимназией, возглавлять её педсовет.

В первые годы службы в Пскове немалых усилий от нового директора требовала постройка нового здания губернской гимназии с пансионом для приезжих учеников. До этого с 1817 года гимназисты занимались в длинном

двухэтажном полукаменном здании (второй этаж – деревянный) у крепостной стены над берегом Великой (ныне – улица Георгиевская, 4). Средства на строительство псковское дворянство собирало многие годы, возведение здания началось в 1853 году, а торжество закладки совершили 3 июня 1854 года. Освящение нового трёхэтажного здания, возведённого на другой стороне той же улицы, состоялось 15 декабря следующего года.

От попечителя учебного округа Иваницкий получил разрешение на использование старого здания гимназии под квартиры учителей, кроме зала и комнаты для театра, но не добился согласия на ремонт и приспособление здания на казённый счёт. По его предложению педсовет принял решение передать квартиры тем учителям, которые произведут работы за свой счёт, причём квартирную плату с них временно брать не будут. Вместе с тем Иваницкий считал, что после того, как учитель таким способом оправдает свои расходы по ремонту, то с него следует взимать часть суммы, которую он экономит, не платя за наём жилья, и распределять собранные деньги между более нуждающимися учителями, снимающими квартиры в частных домах. Такое решение педсовет принял 16 сентября 1858 года, вскоре после смерти директора (ГАПО, ф. 8, оп. 1, д. 6, л. 14).

В том же архивном деле сохранились журналы всего лишь пяти заседаний педсовета с участием Иваницкого (за август-октябрь 1856 г.). Но и они позволяют составить некоторое представление о его инициативном характере. Так, 11 августа по его предложению решили допускать в виде опыта условный перевод учеников в следующий класс и разработали эти условия. 14 августа Иваницкий отметил, что окончивших уездные училища, как не изучавших иностранные языки, не принимают в 3-й класс гимназии, и предложил определять их во 2-й класс, где они быстро нагонят одноклассников. Учитывая, что пять младших классов переполнены и педагог не успевает опросить всех, 12 сентября по его предложению решили назначать аудиторов из лучших учеников, которые будут опрашивать остальных. 25 сентября он объяснил неуспеваемость некоторых гимназистов отсутствием у них учебников; поэтому решили потратить на учебники для бедняков 35 рублей,

из которых 15 взяли из сметных сумм, а 20 педагогов собрали между собой.

Литературные труды Иваницкого за второй псковский период (1853-58 годы) неизвестны. Зато проявились его краеведческие интересы. 3 октября 1856 года «Псковские губернские ведомости» сообщили, что на днях в типографии губернского правления напечатана небольшая книжка Н. Иваницкого «Исследования о времени основания г. Пскова». Разрешение на её печатание 21 июля 1856 года дал известный автор исторических романов И. И. Лажечников, только что поступивший на службу в столичный Цензурный комитет. Краеведческий труд Иваницкого был настолько важен для псковской истории, что «Псковские губернские ведомости» целиком перепечатали его на своих страницах в №№ 7-10 с 13 февраля по 6 марта 1857 года.

Цель своего исследования он изложил в первых же строках: *«Когда и кем основан Псков? Предлагаю себе этот вопрос не для того, чтобы решить его окончательно и непогрешимо; но для того, чтобы посмотреть, до какой степени он может быть объяснён показаниями и промолвками наших летописцев, что говорили об нём наши писатели-историки... и на чём должно остановиться в настоящее время в исследованиях о времени основания г. Пскова».*

Главный вывод Иваницкого соответствует нашим современным взглядам и звучал так: *«... основываясь на свидетельстве летописей, можно справедливо заключить, что Псков основан был до брака Игоря с Ольгой и даже, может быть, до прихода Рюрика с братьями в Русскую землю».* Этот вывод не изменился и после анализа Степенной книги, Жития святой Ольги и произведений Иннокентия Гизеля, Татищева, Хилкова, Ломоносова, Емина, Щербатова, Болтина, неназванного автора «Записок касательно русской истории», Шлецера, Ильинского, Болховитинова, Карамзина, Глинки, Полевого, Соловьёва, Миллера, Устрялова, Плошинского, Милевского. Таким образом, за время директорства в Пскове Иваницкий изучил всю существовавшую тогда литературу о первых веках существования города.

Прилагаемые к настоящей статье «Исследования о времени основания г. Пскова» Н. Иваницкого – первый исторический труд, специально посвящённый этому важному и

спорному вопросу. Он положил начало дискуссии, которая длится до наших дней. Уже в 1858 году с возражениями выступил иеромонах Иосиф (Иван Гаврилович Баженов), бывший преподаватель Псковской духовной семинарии, выпустивший сразу после перевода в столицу брошюру «Историческая достоверность сказания Степенной книги о первоначальной святине города Пскова». Почти через полвека, в 1903 году, в Петербурге вышла книжка В. Г. Васильченко «Время основания города Пскова». Историко-библиографической заметкой «К вопросу о времени возникновения г. Пскова» на нее откликнулся в 1907 году Н. И. Серебрянский. (Статья Серебрянского стала приложением к его биографии, помещённой в № 23 журнала «Псков» за 2005 год).

Н. И. Иваницкий явно предполагал и дальше заниматься краеведческими поисками. Об этом свидетельствует сообщённая им «Городовая опись города Опочки (Псковской губернии) 7199 (1691) года», опубликованная в 25-й книге «Временника Московского общества истории» за 1857 год. Затем под названием «Опись укреплений города Опочки, военных снарядов и хлебных запасов, составленная при воеводе Артемии Болкошине в 1691 году» она была повторена 5 февраля 1858 года в «Псковских губернских ведомостях» с указанием «Сообщено директором училищ» (но без его фамилии). Значит, он делал выписки из документов псковских архивов.

Однако болезнь и смерть прервали эти занятия. В сообщении о возобновлении деятельности Губернского статистического комитета среди отсутствовавших по болезни на первом заседании 12 декабря 1857 года непременных членов комитета был назван и «директор училищ коллежский советник Иваницкий» (в этот чин он был произведён Высочайшим приказом по гражданскому ведомству 5 января 1854 г.). Не был он и на заседании педсовета гимназии 25 июня 1858 года, а через месяц, 23 июля (4 августа по новому стилю), скончался. Он прожил лишь 42 с половиной года. Сообщение о его смерти в «Псковских губернских ведомостях» не появилось. Позднее газета известила, что приказом Министра народного просвещения от 22 сентября 1858 года исполняющим должность директора училищ Псковской губернии назначен отставной статский советник Яхонтов.

В «Указателе вещественным памятникам древности и старины, церковным и гражданским, в губ. г. Пскове и его окрестностях» 1875 года К. Г. Евлентьев назвал среди достойных памяти людей, погребённых на Дмитриевском кладбище, Иваницкого и Милевского. А священник кладбищенской церкви Гавриил Лебедев в брошюре «Псковское городское Дмитриевское кладбище» (Псков, 1871 г.) указал, что около церкви, с левой стороны, находятся памятники на могилах Иваницкого, Милевского, Скрыдлова, то есть рядом были похоронены три известных деятеля псковской гимназии. Очень крупное и заметное надгробье на могиле Скрыдлова сохранилось, находившийся рядом памятник с могилы Милевского восстановлен в сентябре 2005 года к 140-летию со дня его кончины, а от соседней могилы Иваницкого следов не осталось.

Родственников Иваницкого в Пскове не

было, так как он последовал совету Плетнёва не жениться. 13 января 1860 года «Псковские губернские ведомости» напечатали судебное извещение о вызове наследников к его движимому имуществу на сумму 678 руб. 54 коп., а 26 июля 1861 года по этому делу вызывалась дочь коллежского асессора девица Екатерина Ивановна Иваницкая (очевидно, сестра Николая Ивановича). Его старший брат Александр умер в Вологде ещё раньше, 7 июня 1850 года, не дожив до 40 лет.

Добрая память о Н. И. Иваницком долго сохранялась в Пскове. Через три десятилетия «Псковский городской листок» от 29 июня 1886 года, говоря о священниках, преподававших Закон Божий в мужской гимназии, упомянул о вручённом протоиерею Милевскому при уходе со службы адресе *«одного из просвещеннейших директоров гимназии Николая Ивановича Иваницкого»*.

Основные источники

- Автобиография Николая Ивановича Иваницкого // Щукинский сборник. Вып. 8. М., 1909. С.218-358.
Иваницкий Александр Иванович. Иваницкий Николай Иванович // Русский биографический словарь, изданный под наблюдением А.А.Половцева. Том «Ивак-Ключерев». СПб., 1897. С.3-4.
Иваницкий Александр Иванович. Иваницкий Николай Александрович. Иваницкий Николай Иванович // Русские писатели 1800-1917. Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 366-369.
Н.В.Новиков. Н.И.Иваницкий и его фольклорное собрание // Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н.И.Иваницким в Вологодской губернии. Вологда, 1960. С.3-28.

Слева – старое здание Псковской гимназии

ПРИЛОЖЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ О ВРЕМЕНИ ОСНОВАНИЯ Г. ПСКОВА

1 1914

ИМПЕРАТОРСКОЙ
АУДИТОРСКОЙ КОЛЛЕГИИ

ИССЛЕДОВАНИЕ

О ВРЕМЕНИ ОСНОВАНИЯ

Г. ПСКОВА.

Ж. Званицкого.

Общественная Печать
№ 1. П. Псков
Ул. Псковская, д. 2

ПСКОВЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ГУБЕРНСКАГО ПРАВЛЕНІЯ.
1886.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ указанное число экземпляровъ.
С. Петербургъ, 21-го. Июля 1886 года.

Ценсоръ И. Лажечниковъ.

шале его, и приедоша ему жену отъ Плескова, именовъ Олгу.»⁽¹⁾

«Довида ея (Ольга) суть по всей земли, знаиша и места, и погосты, и саяи ея стоять въ Плесковѣ и до сего днѣ.»⁽²⁾

«Вси ти Князи отъ единаго Варяга отъ Рюрика и отъ сына его Игоря, и отъ княгини Ольги Псковоу расплодшася.»⁽³⁾

Въ крупнѣ спискахъ летописей повторяется тоже самое, съ малыми только измѣненіями въ составѣ фразы. Безъъ Ольга именована *Псковнмлакомъ*, приведенно отъ Плескова, всѣхъ или Плескова упоминается какъ имя города, уже существовавшего въ началѣ X столѣтія.

Слѣдовательно, основываясь на свѣдѣніяхъ летописей, можно справедливо заключить, что Псково (*Плесковъ*.) *основано было до брака Игоря съ Ольгою и даже, возможно было, до прихода Рюрика*

(2) Лавр. лѣт. стр. 12. По *Летописцу Переславля Судольскаго* мѣсто это именовано полемъ: «Игоревъ върасташа и холмиа по Ольгѣ и всю волю его утвора. Привелася ему женоу отъ Плескова именовъ Олгу остроумную и корену и основаніе вѣра Христіанстей и языкъ новыа.»

См. летописца Переславля Судавльскаго въ № 9 Ирменника стр. 12 въ отглавнѣ: *именрбана*.

(3) Лавр. лѣт. стр. 23. В это мѣсто въ *Летописце Переславля Судавльскаго* полнѣ: «И нае Олга по Доростей земли съ словомъ словизъ, урванъ установиши и суть ставиши ея и довиши и до сего днѣ. И прише въ Киевъ и пребывѣхъ лѣто едино и устави погосты, поше въ Ноугороду и по мѣсто устави погосты и днѣ и оброчи и довиши ея и сѣчасть и по Лузѣ и по земли и поречиа у званшии и мѣста и погосты. И снши ея въ Псково и по Добруу порескѣ, по всѣмъ рѣкамъ и по Днѣпру и вѣсь есало ея Олгичи и сѣ вранъ.» Тамъ же стр. 12.

(4) 2-я Псков. лѣт. стр. 2.

Когда и куда основанъ Псковъ?

Предлагаю себѣ этотъ вопросъ во для того, чтобы рѣшить его окончательно и неопровержительно: но для того, чтобы посмотреть, до какой степени онъ можетъ быть объясненъ показаніями и промолвами нашихъ летописцевъ, что говорили объ немъ наши писатели—историки, на чемъ основывали они сужденія свои объ этомъ предметѣ, и на чемъ должно остановиться въ настоящаго времени въ изслѣдованіи о времени основанія г. Пскова.

Псковскій летописецъ говорить: «А о Плесковѣ градѣ отъ летописанна не обрѣтается воспоминають, отъ него создана бысть и которыми людьми, токмо увидѣхомъ, яко былъ уже въ то время, какъ шазала Князи Рюрикъ съ братьевъ изъ Варягъ въ Славнне князствіи; понеже вѣдаеть, яко Игорь Рюриковичъ поуть себя жену Олгу отъ Плескова.»⁽¹⁾

Дѣйствительно, во всѣхъ другихъ летописяхъ ничего не говорится объ основаніи Пскова: слово *Плесковъ* встречается въ первый разъ только случайно, какъ название города, уже существовавшего въ началѣ X столѣтія.

«Игоревъ върасташа, и холмиа по Ольгѣ и славн»

(1) См. Полн. Собр. Рус. Летописей Т. IV. стр. 174.

съ братьями въ Русскую землю. Доказательством служатъ:

1. Показаніе 1-й Псковской летописи: «столно убидохъ, яко былъ уже (Псковъ:) въ то время, какъ назвали Киномъ Рюрикъ съ братьевъ изъ Варягъ въ Славянне князяти.» Значитъ, во время летописца было преданіе, что Псковъ основанъ до прихода Рюрика въ Русскую землю.

2. Согласно показанія всѣхъ летописей, что Ольга была приведена отъ Плескова, что она была Псковитянка, т. е. что Плесковъ или Псковъ существовалъ уже въ то время (въ 903 году): когда Ольга сталаась супругою Игоря.

Замеченіе, кажется, справедливое: но противъ этого говорить:

1. Слово: «в приходахъ ему жему отъ Плескова,» должно принимать въ бузальномъ смыслѣ. Отъ Плескова значитъ изъ подъ Пскова, а не изъ Пскова. Первый нашъ летописецъ (:Насторъ ли это былъ, или кто другой:) писалъ эти слова въ Киевѣ, въ концѣ XI или въ началѣ XII вѣка: ему неизвестно было названіе мѣсто рожденія Ольги; онъ зналъ только, по преданію, что Ольга была родомъ изъ той стороны, гдѣ г. Псковъ,—который въ XII вѣкѣ пользовался уже независимостію,—и потому написалъ: не изъ Плескова, а отъ Плескова, т. е. изъ подъ Пскова.

2. До женитьбы Игоря, т. е. до 903 года, ни въ одномъ спискѣ летописи не встрѣчается имени Плескова или Пскова, имена же другихъ городовъ попадаются нередко, и между прочимъ имя ближайшаго къ Пскову города Изборска.

Отъчаю сверхъ на второе изображеніе: Летописецъ,

разсказавшій намъ о разселеніи племени Славянскихъ и о раздѣленіи земель между сподвижниками Рюрика, не сдѣлалъ перечисли городовъ, въ то время существовавшихъ. Онъ называетъ какой—либо городъ имени тогда только, когда дѣло касается этого города. Такъ—упомянувъ прежде всего, что Славяне Шымскіе построили Дювородъ,—онъ, какъ Кіевлянинъ, разсказываетъ подробно исторію основанія Кіева, потомъ называетъ еще Смоленскъ, и только.....

Но изъ этого не слѣдуетъ, что до пріѣзда Рюрика, три только города и были въ землѣ Славянской. Труворъ Рюрикъ поселилъ въ Изборскѣ; стало быть и Изборскъ существовалъ до прихода Рюрика. Черезъ 2 года послѣ этого, Рюрикъ опять дѣлалъ раздѣлъ городовъ: кому далъ Плесковскъ, кому Рясное, кому Вьлоозеро. Вотъ опять ноша названныхъ городовъ. Въ этихъ городахъ, прибавляетъ летописецъ, Варяги—прислали, а первые ихъ поселенцы: въ Новгородѣ—Славяно, въ Пологскѣ—Кривичи, въ Ростовѣ—Мери, въ Бѣлгородѣ—Весь, въ Муромѣ—Мурома. Еще одно слово названіе. Олегъ въ первые годы своего княженія назвалъ—Лобчево. Послѣ похода на Грековъ онъ пошелъ съ ними укладомъ на Русскіе города, и между прочимъ на Черниговъ и на Иеремславль. Одинъ слово, у летописца названіе какого либо города встрѣчается всегда тамъ только, гдѣ дѣло касается этого города. До женитьбы Игоря нѣбольшо надобности упоминать о Плесковѣ, потому и неупомянуто; а когда нужно было сказать о женитьбѣ Игоря, тогда летописецъ и сказалъ: «Игоря възрастѣю и холмаю по Ольгѣ и слушаше его, и приведоша ему жему отъ Плескова, именятъ Ольгу.» Мнѣ кажется, встрѣтити въ первомъ разѣ имя Плескова изъ этого имени мѣстѣ летописи (:подъ годомъ 903:);

знавшая и злата и повосты, и сами ее стелы въ Плюсковѣ и до сего дне, и по Дитюру веревенши и по Деве, и есть село ее Олжици и доселе. Довольно странно предположить, что хоть самый летописец, которому известны были въ размахъ концы Русской земли разные памятники или преобладали тамъ, или дичьяность Са. Ольга, затруднялася означить точно место рождеша Ольги, и сказала: глухо: ить подъ Пскова, т. е. изъ тѣхъ сторони, гдѣ теперь Псковъ. . . . При томъ и предлогъ ома въ словѣ ома въ Псковѣ употребленъ точно въ томъ же смыслѣ, значеніи, въ какомъ ома употребляли и во многихъ другихъ мѣстахъ летописей:

«Приде отъ Рима въ Byzantію. . . . Козмуть вѣсичное первое ома города Кіева, и шка изъ Чернигова. . . . О Христіанствѣ ома кола либо страна приходящѣ въ Русь и пр. и пр. и пр.

Невозл думать, чтобы соображенія эти, столь простые и доступныя каждому, кто хоть сколько небуль знакомъ съ летописями, не пригодили на мысль тѣмъ лицамъ, которые во каковы бы-то мнѣніи причинамъ интересовалъ или интересуютъ вопросъ объ основаніи Пскова. Но на шка ебанательно отсутствуетъ легенда, правда не мародкая, но сложившая изъ тысячъ интересныхъ подробностей, что действительно трудно оторваться отъ нея, приходить эту мозаичную картину на сколько сузить мостей данно отжишей действительности, согражденныхъ летописцами.

Легенда гоноритъ:

Родина Ольги—деревня Выбуты или Лабуты, близъ Пскова, на гранюкъ берегу Великой, вверхъ по рѣкѣ. По смерти родителю своихъ, которые были протские поселенцы, Ольга осталась сиротой, и была пере-

а не въ другомъ какомъ-либо, также естественно, какъ встрѣтить въ первый разъ или Изборска, послучая отдачи его Трувору, имени Пологска и Ростова, послучая отдачи ихъ сродникамъ Рюрика, или Любета, послучая запованія его Ологомъ, имени Чернигова и Перенслава, послучая вянтіи на нихъ уклада и т. д.

Обращаясь въ первую возраженію: Это возраженіе основано на предположеніи. Предполагается, что первымъ нашъ летописецъ, какъ Кіевлянинъ, не зналъ настрѣно мѣста рождеша Ольги, и потому сказалъ, что она родомъ изъ той стороны, гдѣ теперь Псковъ, отъ Псковѣ, а не изъ Пскова.

Но летописецъ, какъ житель Кіева, гдѣ Ольга провела болѣе 40 лѣтъ своей жизни, и какъ олимпъ изъ представителю только что возникшаго въ Кіевѣ, наскаженнаго Ольгой, Христіанства, безъ сомнѣнія зналъ исторію этой блужденной жены, которую онъ называетъ денницею—предвозвѣстницею солнца правды въ землѣ христіанской, луною, сияющею въ ночи гнѣховной; разсказы объ Ольгѣ онъ могъ слышать отъ лицъ, которые дѣды знали ее лично; въ числѣ иконовъ Кіевской Печерской Лавры, гдѣ, какъ извѣстно, жилъ нашъ первый летописецъ, и куда стекались ревнители иноческаго житія со всѣхъ концовъ Русской земли, былъ, можетъ быть, кто ибуль и изъ земляковъ Са. Ольги.—Ольга была люпенъ близкимъ къ летописцу и во времена и по связи луковной: въ молодомъ Кіевскомъ христіанствѣ въ началѣ XII вѣка сѣжи еще была воспоминаніи объ этой Са. женѣ; повральной мнрѣ летописецъ говорить объ ней, какъ объ лицѣ только что сложившемъ факсены дѣйствій; все еще напоминаетъ ему объ ея присутствіи: «(Довина ен Ольга) суть по всей землѣ,

44

въ первой половинѣ XVI вѣка. Я не знаю, въ какомъ ли смоль видѣ легенда эта занесена въ неизданную Миссию Матр. Макарія; но въ извѣстномъ намъ жизнеописаніи Ольги она уже упоминается нѣсколько. Такъ наприм. въ степной книгѣ названъ именно тотъ мѣстъ при водзеніи рѣки Целони въ Волгу, гдѣ городевой Кремль и Троицкой Соборъ. «И приде блаженна Ольга бѣлая рѣка, глаголаху Великіи, и быша ей макколицѣи и преславно видѣти видѣ: мѣсто оно пресѣтлѣи и лучи осияно бѣ.—Послѣ Св. Ольги много мѣста на Плескому рѣку на созданіе церкви Св. Троицы; идеже три сіятельныя божественныя лучи сътозавшѣи видѣ. Посѣдиже ту градъ возвѣтъ Псковъ поставленъ бысть.» А въ извѣстномъ намъ жизнеописаніи Ольги сказано, что Ольга стояла на лѣвомъ берегу р. Волги: той промѣею устья Целони; лучи же, впадые ея, оазрала противуположній беретъ. «Егда же во страну той приде въ берегу рѣки, глагодевой Волгой—и бысть прочиуеу того мѣста, видѣе въ р. Волгуи знаи рѣка, отъ Востока текущая, Пскова парцаемая, видѣе; видѣ объ олю моль рѣки отъ Востока три пресѣтлыи лучи съ небесе на то мѣста стоящѣи.» . . .

Я называю легенду объ Ольгѣ не маредлею, въ томъ смыслѣ, что она не возникла сама собой, подобно другимъ легендамъ объ Ольгѣ, среди народа, на тѣхъ мѣстахъ, которые были святынями жизни и дѣлъ Ольги; а сложилась уже среди похоронившихъ, когда лучезарный образъ *серебристо-голубой Анастоловѣ* открылъ сияніемъ своей славы все, что могло еще оставаться въ памяти людей объ безвѣстной Псковитинѣ;

9

вошедшей. Оказался Князь Игорь былъ въ тѣхъ краяхъ и охотился на правомъ берегу Великой. Ему нужно было перебраться на другой беретъ рѣки. Онь заметъ, что кто-то плыветъ по рѣкѣ въ лодкѣ. Князь помысливъ въ себѣ илюди и вольтъ себя переверзти. Пловца—была вѣдушка молодой и прекрасная, по имени Ольга. Князь,—но буювъ говорить словами легенды,—узнавъ видѣніи, ако же писано есть: очи лавоѣи и некасавшѣиъ касзусел, и разверсеа желаніиѣи на нѣ, и нѣко глагола глумленіемъ претверши въ ней. Она же уразумѣиши глумленіа коварство, преткала бѣсѣду неподобнаго еѣу умысленіа, но ююшески, но старческѣиъ смыслѣиъ, поюшая ему глаголаше: «что веуе ситуашенси, о Княже! сракъ притгоряи нѣ, ислуюю новодобнаи во умѣ соизвѣла, студиша словаи иноскази; не преллѣиѣеа, видѣѣи на юу дѣлану и уединену, и о семь занашѣиъ, акѣ немаша околѣтии на; аюи и неѣлаи есмь я вельми юна и просто събачѣи иманѣ, леюже на дѣлаши; но обаѣ разумѣа, но порѣшати на са дошела, и глаголаши неѣлаши, еѣо же некому ни слышати; прочее же аничай себѣ и оставиши такоуагу умыслѣиѣи. дождею нѣи еси, бѣюаи сею, да еюдѣлаѣѣи ти вѣра-зуміе, и да неюстраждѣиши ало нѣкѣе; оставиши вельмогѣи раздѣлуи и неправыи. Аюи сажѣ улавѣи буюди аси-книи съудѣиѣиѣи, то како жожеши нѣиѣи неправу вообрѣиѣи, и прѣсано судати державѣ твоеѣ; рѣум-ноже да буюѣи ти, аюи и лѣки юнѣи непрѣставши, соблазнилси о ююеи съретѣиѣи, твое на еси, ако да приимѣи на глумна рѣки сеи, да небуду тебѣ на соблазѣи и сама порѣшати и поюшона угошану, ты же прочее не смущаиши о нѣи, и наи мюга прѣумудреши о цѣлоуарѣи глагола.» Игорь былъ такъ умалѣиѣи и

въ первой половинѣ XVI вѣка. Я не знаю, въ этомъ ли самомъ видѣ легенда эта занесена въ неизданную Милеев Магн. Макарія; но въ известномъ намъ жизнеописаніи Ольги она уже имѣется въсоклько. Такъ върши. въ-столь, гдѣ стояла Ольга, и видъ который видѣла лучи! въ Стопенной книгѣ названъ именно тотъ видъ при впаденіи рѣки Ценовы въ Волгу, гдѣ городской Кремль и Троицкой Соборъ. «И приде близкая Ольга близъ рѣки, глаголемыя Великая, и быша ей якоже рѣки Исковы—и на томъ мѣстѣ Святая Ольга чрво и преславо видѣти видѣ: мѣсто оно пресвѣтлѣи лучами освѣщено бѣ.—Послѣ Св. Ольги много вѣта на Плескору рѣку на созданіе церкви Св. Троицы; идеже три сѣтельные божественныя лучи състоялія видѣ. Послѣже ту градъ велѣхъ Искогъ поставити бысть.» А въ известномъ намъ жизнеописаніи Ольги сказано, что Ольга стояла на лѣвомъ берегу р. Великой противъ устья Ценовы; лучи же, видѣнные ею, озаряли противоположный берегъ. «Егда же во страну той приде къ берегу рѣки, глаголемой Великой—и бысть противуеу того мѣста, идеже въ р. Великую впаде рѣка, отъ Востока текущая, Пскова парцаемая, идеже; видѣ объ оныя рѣки отъ Востока три пресвѣтлыя лучи съ небесе на та мѣста стояща.»...

Я назвала легенду объ Ольгѣ не *маредною*, въ томъ смыслѣ, что она не возлика сама собой, подобно другимъ легендамъ объ Ольгѣ, среди народа, на углы мѣстѣхъ, которые были свѣтлыми жени и дѣль Ольги; а сложилась уже среди поколѣній позднѣйшихъ, когда лучезарный образъ *сереини-мѣнны* *Анстоловѣ* закрылъ свѣтлѣть своей славы всѣ, что могло еще гранитися въ памяти людей объ безвѣстной Псковитинѣ;

сдѣлавшейся В. Княгиней Киевской, и что засвидѣтельствовали летописцы.

Доказательства на это слѣдующія:

4. Летописецъ Киевскій, пришедшій въ лѣтше какъ къ третьему поколѣнію Киевлянъ, жившему послѣ Ольги, разсказалъ подробно два преданія объ ней,—а именно о названіи Древлянъ и о вѣтѣ Искорогана,—поименовавъ дѣла Ольги касательно устройства подвластныхъ ей земель, и наконецъ указавъ, какіе давленіи жизни и дѣятельности ея существовали въ это время въ землѣ Русской; но нискога не сказалъ о томъ, что разсказываются въ легендѣ, ввезенной въ Стенную книгу.—Чѣмъ объяснить молчаніе летописца? Ольгѣ, какъ я сказалъ уже прежде,—близокъ былъ къ Ольгѣ и по времени и по силѣ духовной: легенду о водвореніи Ольгоръ Христіанства въ ея роднѣ,—если бы эта легенда существовала въ XI и XII столѣтіяхъ,—летописецъ, конечно, не упустилъ бы изъ виду, и какъ христіанскій, разсказалъ бы въ большаки подробностями и съ большаю любовью, чѣмъ летописцы о изказаніи Дроляня и о вѣтѣ Искорогана. Ольгѣ зналъ, гдѣ были *ловни* и *перевѣсны* Ольги,—сказавъ объ этомъ безъ срѣженія отъ очевидцевъ.—зналъ и о томъ, что въ Плескорѣ сохраняются сами Ольги,—конечно также, отъ очевидцевъ; можно ли же думать, что летописецъ не зналъ, что въ томъ самомъ городѣ, гдѣ стоялъ самъ Ольги, есть церковь, построенная по ея мысли, на ея деньги, на мѣстѣ ея указанномъ, и что самый городъ Плескоръ есть также созданіе Ольги? Объ себѣ ея *Ольжичи* онъ не забылъ упомянуть.

2. Составитель Псковской летописи,—относясь, какъ известно, къ началу XIV вѣка и даже къ концу XIII

вѣка, — стараясь узнать что нибудь вѣрнее объ основаніи Пскова; но должно бытъ сказать, что «о Псковѣ» грядъ отъ лѣтописанія не обрѣтается воспоминаю, отъ кого созданъ бытъ и которыми людьми.» Очевидно жившее въ то время въ Псковѣ продавецъ говорилъ, что Псковъ существовалъ уже до Рюрика, и потому лѣтописецъ прибавилъ: «только увѣдомъ, яко былъ уже въ то время, какъ назвала князь Рюрикъ съ братіею изъ Варягъ въ Словяне княжить.» Въ подтвержденіе этого преданія онъ указалъ и на фактъ, который, какъ видно, въ его время не подлежалъ сомнѣнію: «покаже повѣдаеть, яко Игорьъ Рюриковичъ поитъ себя женоу Ольгу отъ Пскова.»

И здѣсь, въ свѣдѣтельствѣ Псковскаго лѣтописца, итъ опять на слова о легендѣ, разсказанной въ Степной книгѣ; напротивъ, прямо указывается, что во время лѣтописанія вѣрило, что Псковъ построенъ еще до прихода Рюрика, и что Ольга была родомъ изъ Чехова. Если бы легенда объ Ольгѣ была известна въ Псковѣ въ XIII или XIV вѣкѣ, конечно, лѣтописецъ, какъ Псковичъ, отыскивавшій въ дошедшихъ до него лѣтопискахъ какихъ нибудь указаній на время основанія своего роднаго города, не оставилъ бы этой легенды безъ вниманія, и скорѣе бы волея за нее, какъ въ сказаніи полное и оконченное, чѣмъ за темное преданіе о томъ, что Псковъ «былъ уже въ то время, какъ поитъ князь Рюрикъ съ братіею изъ Варягъ въ Словяне княжить.»

Изъ этого и выводу заключеніе, что легенда, разсказанная въ Степной книгѣ, начала складываться не какъ въ ранне концѣ XIV вѣка; (*) даже вѣроятно —

(*) Это въ такомъ только случаѣ, если она введена уже была въ Копривенскую Степную книгу.

можно и при разнѣхъ редакціяхъ лѣтописца свою подробости. Псковской мѣрѣ это вліяло изъ сказанія Степной книги, Пролога и жизнеописанія Ольги. (**)

Конечно не одна истинная исторія не пренебрежеть легендой, когда бы и може бы ни возникла она: всегда онъ дастъ ей нѣчто приличное въ области ея изслѣдованій; но для большинства людей, — не историковъ, а просто любителей исторіи, — легенда есть самое приятное явленіе: она узнаваетъ разрозненные обломки явленія — погребеніи князи такою живописною зарисовку, и составляетъ типичнѣ фантастическнѣ сѣтвомъ, что, глядя на нить, приятно откликать воображенію и сердце, и даже леугмошннхъ умъ не рѣшается, съ обычайми словами безстрастнѣхъ, порваться въ этихъ, какъ будто энкодированныхъ, обломкахъ.

Тогда самое нужно сказать и о приведенной мною выше легендѣ: она разномъ для самой ноложительной и ясныи отвѣтъ на вопросъ объ основаніи Пскова, такъ что вся нелепая на истину, сказанная лѣтописцами, осталась въ тѣнѣ, и большинство людей, интересующихся знаніемъ когда и какъ основанъ Псковъ, не сомнѣваются, что Псковъ построенъ Ольгомъ.

Посмотримъ теперь, что и какъ говорили и говорить объ этомъ наши писатели — историка.

(*) Легенда эта есть и въ Псковѣ лѣтописца; только тамъ разсказана она коротко, и конечно пророчествомъ Ольги; но о томъ, что Ольга послала золота и серебра, вѣдла построитъ переплавъ Св. Троицы и городъ Псковъ — итъ ни слова. — Впрочемъ Псковъ Лѣтописца составленъ уже въ царствованіи Матвея Федоровича, т. е. въ началѣ XVII вѣка. — Слѣдовательно послѣ Степной книги. См. № 17 Промѣнна.

страсть была, а Пскова еще не было.»⁽¹¹⁾ Рассказы-вал о женитьбе Игоря, он держится показаний расколь-ничью санска летописи, (которого впрочем теперь нетъ уже на лицо:) «Ольга Киянина въ иногородяхъ мануариатахъ отъ Пскова, такою въ одною расколь-ничью отъ Издорска, и сія правда; ибо тогда Пскова еще небыло.»⁽¹²⁾ Потомъ приводить изъ жизнеописанія Ольги то место гдѣ говорится о родитѣ Ольги, «но, — прибавляетъ— о родѣ ея въ Манин не право, якобы под-ла была, и на рѣкѣ пересозла, гдѣ ея Игорь узналъ; намъ доказательно, что она была рода прешить Кияней Славеннубъ, явуча Гостомысла; имя ея Славенское Прокрза Олегъ отъ любви во свое переименовалъ, а при крещеніи названъ Елена.»⁽¹³⁾ Татищевъ ссылается здѣсь на Ипатьевскую летопись, подлинность которой, какъ известно, очень подозрительна. Касательно путе-шествія Ольги, уже Киянина Кіевской, на родину на берегу Волжской Татищевъ повторяетъ рассказъ жизне-описателя Ольги; но при этомъ добавляетъ одно замѣчаніе: «походъ Ольги изъ Новгорода положенъ здѣсь до креще-нія за 8 лѣтъ, и Прологъ сему согласуетъ, а въ Манин Дмитрій Ростовскій написалъ по крещеніи ея.»⁽¹⁴⁾ Впрочемъ это важное замѣчаніе онъ оставляетъ безъ всякаго объясненія.⁽¹⁵⁾

Хлызовъ⁽¹⁶⁾ ирешить родной Ольги такою

(11) См. Татищева стр. 362 часть II.

(12) См. Татищева стр. 373 часть II.

(13) См. Татищева стр. 373 часть II.

(14) См. Татищева стр. 389 часть II.

(15) Я также на голову объ этомъ ни слова; а представляю это обстоятельство на разсмотрѣніе тѣмъ, которые считають Ольгу основательницей Пскова.

(16) Ядро Россійской Исторіи.

Ипатьевскій Гизела, составитель Синоиска (7), жившій во второй половинѣ XVII столѣтія, въ слова не говоритъ о томъ, кѣмъ и когда основанъ Псковъ. Онъ сказалъ только, что Труворъ «всприказъ Кіевскіе Псковскіе, стали же свою землю въ Свирдлахъ или во Изборску.»⁽⁸⁾ Изъ этого можно заключить, что авторъ Синоиска относилъ основаніе Пскова къ вре-мени до-Рюрикашскихъ, тѣмъ болѣе, что по словамъ женитьбы Игоря, онъ говоритъ, что Ольга была отъ Пскова. Но и въ повѣстии Ольговъ береговъ Волжской, и въ являни трехъ лучей, и въ построненіи крада Сл. Тройши, въ Синоискѣ нѣтъ ни слова. За то, правда, есть совершенно новая черта касательно родослова Ольги: «Еще же явчу суну Олегу считаю Игорь съ Ольгову премураю и крестоу хлыною, явденую Гостомысломъ отъ Пскова.»⁽⁹⁾ Зверъ авторъ Сино-иска ссылаются на ироритетъ Пальскаго летописца Стриковскаго, но доказана обратность сличительствъ Стриковскаго слова возможно.

Татищевъ,⁽¹⁰⁾ иписавшій свою Исторію въ пер-вой половинѣ XVIII столѣтія, говоритъ, что Рюрикъ на приходѣ въ Русскую землю, «Трувору кланять Изборскъ, пожеже тогда онъи, а не Псковъ главный градъ въ той

(7) Синоиска или явчюе описаніе о началѣ Славенскаго на-рода и о первыхъ Кіевскихъ Князяхъ до Гостомы-сла Царя Феодора Александровича. Книга въ началѣ 9 вѣдствъ и до началъ Лыковосовскаго Кромеске Россійскіе зиме-месе употребилась, пакъ учислени.

(8) Синоиска, стр. 23, изд. 1746 г.

(9) Синоиска, стр. 27, изд. 1746 г.

(10) Исторія Россійская съ лавчюхъ явчюишнихъ явчюхъ на-успышнихъ явчюишнихъ чрезъ тридцать лѣтъ ообрание и слич-сания.

17

Изборскъ: «Ольга призвала въ Изборскъ дѣвцу лебодѣвную, звану Ольгу, которая послѣ того въ грѣшнѣи названа Елена, призвуча Гостомыслова, а ее въ змужество выдалъ за Игоря Рюриковича.»⁽¹⁷⁾ Авторъ не объясняетъ, откуда онъ почерпнулъ это известіе. О путешествіи Ольги, въ область Изборскую онъ разсказываетъ уже послѣ времени Ольги г. е. послѣ 954 г. «Посѣла также въ Изборску, и городъ Псковъ великой дѣстройлѣ.»⁽¹⁸⁾ Ольга нѣтъ указанія на источникъ; но видно, что въ этомъ случаѣ Халковъ сдѣлалъ произвольное Ольгу, прибавивъ только отъ себя слово *каменей*. Объ подробностяхъ событій, разсказанныхъ въ легендѣ, онъ не говоритъ ни слова.

Моносова⁽¹⁹⁾ не упоминаетъ ни слова ни о роднѣ, ни о родинѣ Ольги, ни о построении ея храма Св. Троицы в городѣ Псковѣ; онъ, дѣлая ссылку на Нестора, говоритъ только: «Потомъ (Игорь) сочетался супружествомъ съ Ольгою, приведенною отъ Псковѣ.»⁽²⁰⁾ Объ легендѣ Моносовъ какъ будто и не знаетъ.

Елвинъ,⁽²¹⁾ въ бесѣдѣ о родинѣ Ольги съ Гостомысломъ, прибавилъ еще столько связей собственнаго выдуманнаго, что объ этомъ историкъ стоять уложить развѣ для того только, чтобы показать, что мы знаемъ образеніи членовъсловаго народа не нужно даже ни каменей матеріала, чтобы построить какой угодно замокъ. Такъ на прил: Елвинъ говоритъ, что бракосочетаніе Игоря съ

(17) См. у Халкова (изд. 1769 г.) стр. 37.
 (18) См. у Халкова (изд. 1769 г.) стр. 47.
 (19) Древняя Россійская Исторія отъ начала Россійскаго народа до кончины Великаго Князя Ярослава Храбраго.
 (20) Социнъ. Моносова. изд. 1847 г. т. 3 стр. 454.
 (21) Россійская Исторія.

Общество Псковитинъ
 на П. С. Рѣчницѣ
 в Псковѣ
 ул. Провосвѣтлая д. 3

18

Ольгой совершенно было во Псковѣ, въ храмѣ Перуна, при стеченіи многочисленнаго народа, съ приличными такоу торжеству услажденіями!...

Щербатовъ⁽²²⁾ говоритъ, что «Труворъ съѣзъ во Псковѣ, и столпу себя построилъ Изборскъ»,⁽²³⁾ что «когда достигъ Игорь до 27 лѣтъ возраста своего, тогда Олегъ, его благодѣтель, съспавъ ему невѣсту во Псковѣ, дѣвцу, званую Ольгу, его женилъ, о которой мнитъ многоразъ, якобы правнуча Гостомыслова была; родомъ изъ мери, звануемой Выбутска, что вышъ близъ града Пскова. Другіе же писатели повѣствуютъ сіе супружество инымъ образомъ...»⁽²⁴⁾ Тутъ слѣдуетъ сокращеніе легенды во послѣдней ея редакціи. Касательно путешествія Ольги къ берегамъ Великаго, — хотя объ этомъ и разсказано въ легендѣ подробно, — Щербатовъ не говоритъ ни слова; упоминаетъ только, что «при владѣніи уже Святослава (значитъ, когда Ольга была христіанкою) она обновила строеніе церкви во мнѣ Св. Троицы градъ Псковѣ, и предреди о будущемъ величествѣ ея.»⁽²⁵⁾ И тутъ же дѣлаетъ примчаніе: «Россійскіе дѣтописцы (какіе именно?) пишутъ въ семъ мѣстѣ, якобы основаніе града Пскова Князь Ольгѣ; но какъ онъ уже при Великомъ Князѣ Рюрикѣ былъ, и въ пѣнь Князь Труворъ свою столпу женилъ; то въ семъ мѣстѣ не можетъ какъ развѣ обновианіе его Великой Княгини Ольгѣ приписаться.»⁽²⁶⁾

(22) Исторія Россійцевъ отъ древнѣйшихъ временъ.
 (23) Щербатова Исторія изд. 1770 г. т. 1 стр. 192.
 (24) Щербатова Исторія стр. 206.
 (25) Тамъ же т. 1 стр. 221.
 (26) Тамъ же.

въ область Изборска въ построена Пскова, во всемъ слѣдуетъ легендѣ. (48)

Долгой (49) въ слова не упоминаетъ ни объ легендѣ, ни о томъ, откуда родомъ была Ольга, ни о томъ, кто построилъ Псковъ; но, рассказывая о путешествіи Ольги въ область Изборскую, прибавляетъ, что она была и во Псковѣ, который начиналъ тогда уже усиливаться, вмѣсто древняго Изборска. (50) Изъ этихъ словъ видно, что Поляной не считалъ Псковъ создателя Ольги. (51)

Солгосевъ, (52) по повелу жматъбы Игоря, переводитъ слова летописца: «Игорь выросъ, и козель по Ольгѣ, слушала его, и привелъ ему жену изъ Пскова, именемъ Ольгу.» (53) Для перестыгъ горогъ-въ, о которыхъ упоминается въ первомъ періодѣ нашей Истории, онъ указываетъ между прочимъ Псковъ, — и заключаетъ: «изъ-вступъ городовъ Пскова, Юрьевъ, Владимиръ—Волыскій, Ярославъ достоверно построены Князьями.» (54) Однакожъ не говоритъ, явнымъ именемъ Княземъ построена Псковъ. Но разобравъ пригородныя отношенія Пскова къ Новгороду, Г. Солгосевъ говоритъ: «Мы не знаемъ, какими образомъ Псковъ получилъ значеніе

(48) Тамъ же—стр. 133.

(49) Русская Исторія, въ 4-хъ томахъ.

(50) Поляной т. I стр. 88.

(51) Въ пригородной по своей Истории (Исторія Русскаго народа), вѣнчанной горладо приде, Поляной сомнѣвается существованіи въ Псковѣ ранее половины XI столѣтія Чрезъ мѣсяца до легенды объ Ольгѣ, онъ относитъ до созданія времени молдавскихъ (см. Исторію Русск. народа т. I стр. 3.

(52) Исторія Россіи.

(53) Солгосевъ т. I стр. 141.

(54) Тамъ же—стр. 228.

Езямій (41) признаетъ легенду, внесенную въ Степенную книгу, связаннымъ. вполнѣ достовернымъ, и потому слова летописца: «привелъ ея (Игорю) жену отъ Пскова,» — объясняетъ тѣмъ, что Псковъ въ XII столѣтіи былъ уже городомъ значительнымъ. (42) Впрочемъ о родословной Ольги онъ ничего не говоритъ.

Карамзинъ (43) вѣрять слову летописца, говорить, что «Ея (Ольгу) привезъ въ Кіевъ изъ Пскова или нынѣшняго Пскова», потомъ упоминаетъ объ легендѣ, и заключаетъ слѣдующими словами: «но мы всеможемъ ругаться за истинную преданіи, неизвѣстнаго нашему древнему летописцу: иначе онъ не пропустилъ бы столь значительнаго обстоятельства въ житіи Св. Ольги.» (44) Далѣе, рассказывая объ похвѣдѣ Ольги въ сѣверные края, Карамзинъ говоритъ: «Въроятно, что сіа Княгиня, рожденная во Псковѣ, какими нибудь особенными выгодами, дѣлаше ея уваженіемъ, способствовала тому будущему славному и даже славу, которую онъ послѣ, вмѣстѣ съ Новгородомъ славился въ Россіи, затѣмъ самостоятельный древнѣйшій Изборскъ и сдѣлавшись столицей области значительной.» (45)

Глинка (46) выводитъ родословную Ольги также отъ Гостомысла (47); касательно же путешествія Ольги

(41) Исторія Княжества Псковскаго.

(42) Езямій—т. I стр. 9 и 10.

(43) Исторія Государства Россійскаго.

(44) Карамзинъ—Исторія т. I стр. 129. Эту же мысль онъ еще полнаго объясняетъ въ примѣчаніяхъ къ I тому своей Исторіи стр. 133.

(45) Карамзинъ т. I стр. 166.

(46) Русская Исторія.

(47) Глинка т. I стр. 122.

объ основании Пскова говорить не удавалось легенды. И безъ сомнѣнй, помянуть не будетъ написано о Псковѣ вновь сочиненія такого же пошлого и достойнаго того кто не уваженія, каковы пользовались и пользуются книги Иллариона и Митр. Евгения, до тѣхъ поръ много разъ еще, вѣроятно, придется слышать и читать, что Псковъ основанъ Ольгой, что на дѣвонъ берегу Волжской, противъ нынѣшняго собора, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ по берегову уступамъ плыли, струится ключъ, нынѣшней Ольгинскій, и гдѣ стоять теперь часовня, Ольга подручила вѣстѣ и предъсказала возмѣненіе на свѣтъ города, которому суждено было итти такую занную роль въ Исторіи, что родна Ольга—деревня Выбуть, или Выбути, что на томъ самомъ мѣстѣ рѣки, который называется до сихъ поръ *Ольгинскими воротами* и гдѣ лежатъ *Ольгинскыя слуды* (замена), Ольга перенесла Игря въ лодкѣ, и веза съ нимъ бѣдну, иттишу въ несчастствіи такое великое вліаніе и на судьбу ея снкой и на судьбу всего нашего Отечества. (25)

Прощади за мнѣшныя всѣхъ коннованныхъ ямно писателей, явдыи увидитъ, что—
1) Оди въ ихъ (Лизель, Щербатовъ, Ломоносовъ, Шлегель, Карамзинъ, Полевой, Соловьевъ), согласно съ лтвовесцами, говорить, что Псковъ существовалъ уже до Ольги: они или вовсе неупоминаютъ, объ легендѣ, или, если и упоминаютъ, то прямо называютъ ее создателемъ времени уже неидеальнаго (исказилиЩербатова).

(25) Да неопутать читатель, что и послѣго отить историческое означеніе у мѣстѣ, означенныхъ мѣстѣхъ Ольги. Обѣ мѣстѣхъ отихъ у мѣн будетъ сказано имено. Завѣд же и говорю только объ легендѣ, которая, вопреки свѣдѣтельству лтвовесцевъ, принадегъ Ольгу—основательницею Пскова.

главнаго мѣста въ окружной странѣ вѣсто Иборска. (26) Занисность Пскова отъ Новгородъ началась по приѣма Князей и въ послѣдствіе Княжескихъ отношеній. Братъ Рюрика, по свидѣтельству лтвовесца, скоро умерла, и Рюрикъ принялъ одиъ всю ихъ волость; слѣдательное страна Иборскіихъ Кривичей, вѣстѣ со Псковомъ, погнвилась, по смерти Трувера, Рюрику. (27) Слѣдѣ всѣ эти указанія, хоти нельзя сказать назрѣное—кого изъ этихъ князей почитаетъ Г. Соловьевъ, основатель Пскова, однакожъ видно, что не Ольгу. (27)

У другихъ современныхъ намъ писателей, готовшихъ покаяному вѣбду случаю объ основаніи Пскова, легенда объ Св. Ольгѣ (по послѣдней редакціи) принадегъ за источникъ самый достоверный. (28) Причина этого заключается однакожъ не въ томъ, чтобы акторы, въ слѣдствіе историческихъ замѣчаній и соображеній, предпочли этотъ источникъ намекамъ и свидѣльствамъ предметомъ ихъ спеціальнаго изслѣдованія, и потому они обратились за свѣдѣніемъ готовшии уже, къ сочиненіямъ, посвященнымъ имено изысканіямъ о началѣ и судьбѣ Пскова. Такіе сочиненія въ настоящее время только два: *Историческое описаніе г. Пскова*,—Ильинскаго, и *Исторія Княжества Псковскаго*,—Митр. Евгения. И въ томъ и въ другомъ,—какъ мы видѣли выше,—

(26) Така же т. 3 стр. 28.
(27) Соловьевъ—т. 3 стр. 26.
(28) Я упоминаю объ Миллерѣ, котораго у мѣн итъ подъ рукою; но Карамзинъ свидѣтельствуетъ (т. I вѣствѣ, стр. 133), что Миллеръ думалъ, что Псковъ построенъ до Ольги.
(29) Въ Исторіи Пресе Устралова итъ ии—слова объ основаніи Пскова; писано даже, откуда приведена была Ольга.

2) Другие (Татищев, Халков, Болтин, Сочинитель записок касательно Русской Истории, Ильянский, Глинка), согласно с легендой, утверждают, что Псков основан Ольгой. Давно и как-то образно сложилась такая легенда, они не говорят, а прямо признают ее документом историческим, неподлежащим сомнению. Они же соглашались с легендой только в одном, что родители Ольги были люди незнатные, и выводят роль ее отъ Гостыницы. Но здесь естественно представляется вопрос: если не верить легенде в том, что родители Ольги были люди незнатные, то за чью же верить, что Ольга основала Псков? или: если верить легенде в том, что Ольга основала Псков, то за чью же верить, что родители Ольги были люди незнатные? Конечно согласен, что вопрос этот самый естественный и самый существенный в этом случае; между тем она оставляет почти без ответа исследователи легенды. Ссылка на Стрыйковского, (которого сами же они жестоко осуждают за много), на какой-то раскопанный список, (которого однакоже нигде нет), на Иакинфовскую летопись (очень сомнительную) и наводит на предположение (что Кингидь предчтите нести роль свой отъ Кива), ничего не доказывает.

3) Третье (Митрополитъ Евгений, и другие, современнее уже назв, писатели, напр. Плюшкин, Протоиерей Малевский) строго держатся справедливости легенды (последней ее редакции). Правда и они ничего не говорят о времени, когда и как сложилась легенда, зато некоторые из них доказывают естественность ее иную образно, — а именно:

а) До сих пор еще одна изъ вятичей, на левом берегу Великой, противъ бывшего собора, на-

20	<p>известна <i>Ольгиница</i>; следовательно какъ же не верить словамъ легенды: «приде (Ольга) къ берегу рѣки, глаголюи Великой—и бысть противу того мѣста, вѣже въ рѣку Великую шла рѣка отъ Востока текущая, Псковъ нарицаемая, выидати и видѣ обѣ оуѣ погъ рѣки, отъ Востока три прясветлыи лучи съ небесе на та мѣста сложиди?» Была же малая иная причина, что клеть некои называлася <i>Ольгиница</i>; и если причину эту легенда объясняетъ просто и точно, то за чью же не признавать такого объясненія?</p>
<p>б) До сих поръ еще два рукава р. Великой, омывшею небольшую островокъ, —версты съ полторы по шире селения Выбуть,—называются: одинъ, который гудежа, <i>Ольгиница северная</i>, другой, который мелче, <i>Ольгиница сѣверная</i>. Какъ же не верить оуѣ словамъ легенды: «родилася Ольга въ пещи, нарицаемой Выбуть-склоб, яке и ширѣ есть близъ града Пскова?» Какъ же не предположить, что въ этомъ именно мѣстѣ, близъ острова, Ольга перована въ лѣтѣ 1000?</p>	<p>в) До сих поръ еще драится, какъ святые, въ Псковскомъ Троицкомъ Соборѣ деревянный крестъ, сдѣланный въ 1623 году по образу того креста, который водруженъ былъ на берегу р. Великой Ольгой, и который сгорѣлъ во время пожара, именованнаго всѣмъ Псковомъ, въ 1509 году. Какъ же не верить оуѣ словамъ легенды: «та рѣчка, поименна (Ольга) доволна къ Богу, и крестъ тамо (на берегу Великой) постави?»</p>
<p>г) До сих поръ еще живеть въ Псковѣ преданіе обѣ Ольгѣ, совершенно согласно съ легендой: каждый Псковичъ знаетъ, что Псковъ основанъ Ольгой, что часовня у клети Ольгиница поставлена на томъ мѣстѣ</p>	

ель Ольминга, как-то: въ Киевѣ и у Николая на Нуровѣ.» Совершенно согласно съ этимъ: какъ было известно по Русской землѣ *лощина, знаменитъ, мѣсто и южнѣе Ольги*, также точно могло быть и нѣсколько *мѣстехъ* въ сохранившихся эти памятники, и нельзя не поблагодарить Псковичей, что они не забыли ни *Ольминга* въ *воротахъ*, ни *Ольминга слободы*, ни *Ольмина ключа*, ни *Ольмина креста*. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что родина Ольги—деревня Выбуты или Лыбуцы, что Псковъ основанъ Ольгой, что *Ольгина воровна* и *Ольгинъ слободы*—есть то самое мѣсто, гдѣ Ольга переселила Игоря въ лѣсъ, что *Ольминъ ключъ* бѣжитъ у того самого мѣста, гдѣ Ольга предвѣстила половецкіе нашествія Пскова, и гдѣ она воздвигла *кресты*. Изъ этого слѣдуетъ только, что слѣды, оставленные Ольгой по всей Русской землѣ,—какъ свидѣлствуютъ объ нихъ летописцы,—во многихъ мѣстахъ уже совершенно исчезли, на развалинѣ Ольги, благодаря средней памяти ея земляковъ, сохранилась, и до сего поръ, во крайней мѣрѣ *мысли мѣста*—свидѣтелей какихъ нибудь изъ родины Ольги. Я говорю сохранилась *мысли мѣста*, а не слѣды *собитія*, которые мѣста эти были свидѣлами; *собитія* исчезли. Но легенда, сложившаяся, и въ нѣдѣлю уже случай говорить, никакъ не развѣеталась XIV столѣтія, а напротивъ еще больше,—въ готовившихъ именованіи *прицѣпала* чуждыя имя *собитія*: она, въ этотъ случай, положила на кукурузу, которая владѣетъ своей иждивеніемъ въ рѣченныя уже, чужія гиты. Съ тѣхъ поръ пошли въ жолъ *расказы*, которые слышались въ Псковѣ и до сего поръ, и которые послѣдователи легенды называютъ *железные преданія*. Замѣчу еще одно очень важное обстоятельство: если бы раз-

мѣста, гдѣ Ольга воздвигла крестъ, что означеніе *Выбуты*—родина Ольги, что у острова, образующаго рукава рукава р. Валовой (Ольгина воровна и Ольгинъ слободы): Ольга переселила Игоря въ лѣсъ. Преданіе это существуетъ надрезомъ: доказательствомъ служатъ слыша названіе *успокоенныхъ мѣста*.

Доказательства эти были бы весьма убѣдительны, еслибы мы не знали, что легенда объ Ольгѣ не была известна гдѣ въ XII и въ XIV ст. и что она есть сохранилось уже позднѣйшихъ. Въ самомъ дѣлѣ, что за необходимость была Псковскому летописцу рыться въ *летописи* и отыскивать, не сказано ли тамъ чего подобнаго объ основаніи Пскова, если жальше *памятныя*, находящаяся передъ глазами его—*Ольгинъ крестъ*, *Ольгинъ ключъ*, *Ольгинъ воровна* и *Ольгинъ слободы*—все и убѣдительно говорилъ ему, кто основатель Пскова, и гдѣ родина Ольги? что за необходимость ему была прибавлять: *стоимъ утѣшиться, яко былъ уже (Псковъ) въ то время, какъ побѣдилъ Киевъ Рюрикъ съ братьями* изъ *Валы* въ *Славяно княжествѣ*? Ибо, что поименованное имя *памятныя* говорила летописцу не объ родина Ольги и не объ основаніи ея Пскова, а о чемъ-то другомъ,—можетъ быть о томъ же, о чемъ говорили многіе другіе *памятныя*, поименованные летописцемъ *Киевскіи*: «*Молодша ея (Ольга) сущи по всей землѣ, знаминыя и мѣста и новосты, и сами ея ствѣтъ въ Псковѣ и до сего лѣта*»—т. е. что благочестивая Русь сего хранитъ въ памяти своей *каждый слѣдъ*, оставленный на землѣ *серебряннѣйшей Ярославлею*. Самъ Митрополитъ *Богемскій* *вѣдѣетъ*, (60) что, «*во подобіе Ольгина воровна* была *красныя* и въ *дружкахъ мѣстахъ* подѣ *названія*»

(60) См. его *Исторію Калужскаго Школовскаго*—часть 3 стр. 3.

сказы, которые существуют в Пскове обь Ольгѣ, были действительно—живые преданія, ведущее начало свое изъ глубокой древности, то отъ чего же преданіе это согласно волилъ съ последней редакціей легенды, и разпорѣчить съ первою ея редакціей? Надпись на Олдинскомъ крестѣ, принадлежала въ Псковскомъ Троицкомъ Соборѣ согласно съ первою редакціей легенды: «Приде блаженна Ольга, блгдль рѣки глычлениа Пскова, и ста на устьи тоя рѣки. Баше бо тогда лѣсъ в дубѣи веліе, в везану преславно видѣше видѣ, свѣтлани глумяи ослѣвлено мѣсто оное, пророцествуи глаголаше: на мѣстѣ семъ будетъ храмъ Пресвятыи Троицы, и градъ великъ зде и славно будетъ, и догонъ на мѣстѣ томъ постави Пресвятый крестъ на покломенеи Праславныи хрстіанскъ.»⁽⁶¹⁾ Слѣдовательно всего естественнѣе и сообразнѣе съ здравымъ смысломъ было бы Псковчанамъ разсказывать легенду обь Ольгѣ такъ, какъ записана она на крестѣ, хранящемся въ ихъ родномъ городѣ, въ храмѣ, куда такъ часто стекаются они на молитву. Между тѣмъ разсказы Псковичей согласно съ послѣднею редакціей легенды, сдѣланною почти черезъ сто лѣтъ послѣ возобновленія креста. По этой редакціи, какъ я говорилъ выше, Ольга стояла противомъ тою мѣстѣ, гдѣ въ р. Великую впадаетъ Пскова, и видѣла луча надъ противуположныи берегами реки, и предсказала, что на томъ мѣстѣ, надъ которымъ сіютея лучи, будетъ возвышнута церковь и городъ большой, славный и богатый. Причина пошнана: сирочата любаго Псковича, откуда онъ узналъ легенду обь Ольгѣ? Онъ или назоветъ намъ книгу, въ которой написана

(61) Надпись на пологнѣи Креста Ольгина въ Троицкомъ Соборѣ.

эта легенда, или указать на другаго, отъ котораго онъ слышалъ, и котораго непременно читалъ легкому также въ книгѣ. Если бы преданіе обь Ольгѣ было устное, передаваемое изъ слухахъ отъ пологнѣи въ пологнѣи, тогда разная редакціи этого преданія, сдѣланнагоа доепопнѣи пологнѣи, по лѣтла бы нѣакого вѣдопнѣи на пологнѣи мать народнаго, нѣакого вѣднѣи было бы убѣднѣи народѣ, что Ольга воздрузила крестъ на лѣвохъ берегу Великой, *храмъль устья Пскова*; потому что преданіе народа знали и вѣдали, что крестъ воздрузнѣи былъ у устья Пскова, на томъ мѣстѣ, гдѣ возвышается Троицкій Соборъ, по свидѣтельству чего сдѣлана и надпись на пологнѣи Ольгина креста. ⁽⁶²⁾

Но—кевожно. Будетъ по преданію благоговѣно пологнѣи кресту Св. Ольги, какъ полагалась ево были отды, лѣвы, преданія, пращуря и пращуря; будель по-преданію хлѣахъ крестѣ и устроено въ часо-вѣ, воздрузнѣи благоговѣно преданія названнѣи, у Ольгина лѣвохъ; полагалась *воронья Ольгинья*, кагда днѣ рѣкъ, какъ нѣахъ случнѣиась бытъ у селеннѣи Вѣбуть; обобозначнѣи и слуды эти, которахъ нѣакогда пасалась стола Св. Ольги, пологнѣи былъ, первой вренствнѣи-гнѣи этого края, и сдѣловательно поганной *серебнѣи-лѣи-кнѣи Длославова*. Не да по кончнѣи этихъ смнѣннѣи-хъ излѣннѣи нѣахъ естествона историческа нуровленнѣи: жа-воо собопнѣи, котораго пологнѣи эти 950 лѣтъ тому впаздъ были свѣтнѣиленнѣи, по несповѣдннѣи суд-бнѣи Прасвнѣи, сдѣловалась для насъ тайноу, пологнѣи во для того, что бы мы нѣахъ раздѣлаваемъ этой тайны

(62) Несовѣдалась съ тѣмъ, что Псковъ построенъ Ольгоу, и на говорю о годѣ, что сдѣлана Ольга для Пскова; пог. ч. это по вѣднѣи изъ книги пологнѣи.

принадлежавшие прежде какому нибудь монастырю или зажиточному человеку, и окупившиеся ныне всею судьбою средненькихъ или дворянъ или оторванныхъ въ потребу для христіанскаго яма, зина, ошейя и прочихъ съдѣстныхъ принадлежностей, который заплатитъ себя въспроситъ о томъ: что это за фундаментъ? казней черныя эти развалины? когда построены эти башни? что это за подвалы и кому въ старину принадлежалъ онъ? Между тѣмъ—странное дѣло—въ душѣ этого не самого молодого, которое непременно хотѣть приписать Ольгѣ основанаго Пскова, и которое не принадлежитъ однакожъ правнѣ на благоговѣнное уваженіе во множествѣ памятниковъ, которые у него ежечасно передъ глазами и подъ ногами,—въ душѣ этого же самаго молодого, говорю, является тѣсная грѣза о какомъ-то неопредѣленномъ рѣдѣ лѣтъ прожившихъ Псковолю, Спиритѣ: сколько лѣтъ церкви *Св. Георгія со святою*? Въашъ отвѣтъ: что—шѣ вошху: она построена въ 1484 году! Спросите когда построена первая церковь *Св. Анастасіи*? Въашъ отвѣтъ: никакъ давао,—въ годъ черной смерти (1487). Старыя постройки называютъ развѣ монастырь Іоанна Предтечи (на Завельчѣ), которому 700 лѣтъ, да монастырь Свасо-Мироносскій (при устьѣ Мирожѣ); которому 800 лѣтъ. Какіе цѣфры!

Этихъ я обаятельно исследованій моя обѣ основанія г. Пскова. Читатель имѣлъ случай видѣть сама, что свидѣтельства лѣтописцевъ, а за ними и лучшій нашихъ писателей—историковъ, заставляютъ думать, что Псковъ основанъ была до женитьбы Игура (въѣтъ 903 г.) и даже до рожденія Ольги. Съ свидѣтельствомъ же писателей, домысливающихъ, что городъ этотъ обязанъ бытіемъ своимъ Ольгѣ, согласиться нельзя; потому что доказатель-

вопреки намъ вопотлвало ума! Лучезарный въѣтъ *Св. Ольги* не нуждается ни въ какихъ прикрасочныхъ украшенияхъ, тѣхъ болѣе, если украшения эти слѣзаны по изъ чистаго золота правды. Не будемъ безъ причины отказать и у Пскова—нашего стараго Пскова—драгоценнаго для него права—называться камябелю *Св. Ольги*.

Грустно видѣть, когда новое, благоденствующее на- нѣ поколѣніе Псковолю,—которое, замѣчу мимоходомъ, всего жарче ругаетъ за мысль объ основаніи Пскова Ольговъ,—оставлетъ дозольно холодныхъ зрителей дру- гихъ свидѣннхъ памятниковъ старины, которыми такъ богатъ нашъ тыщелѣтній Псковъ. Грустно видѣть, какъ окаянно сотни людей равнодушно испираютъ ногами платные фундаменты бѣлыхъ когда-то церквей и домовъ, выходящихъ, то лугу, то улогу, изъ подъ новыхъ построекъ, и бѣдѣннхъ средѣ уличной пыли, подобно костямъ мертвецовъ, вставшихъ безъ погребенія.—Грустно видѣть, какъ сотни людей равнодушно прокопнѣтъ нѣко развалины старинныхъ церквей, выказывающія, обезображенныя временемъ, остовы свои ногла изъ-за негнн чьего нибудь огорода. Грустно видѣть, какъ сотни людей ежедневно всходятъ на обросшія мохомъ и покрытыя трещинами величавыя башни городскихъ стѣнъ для того только, чтобы выкурить изъпроску и полюбозваться *вселенсконимъ* величѣмъ какой нибудь части города или его окрестностей. Грустно видѣть, какъ сотни людей разбираютъ цѣлыми возами обломки плитъ,—печальные останки ка- кого нибудь древняго здания,—для того, чтобы утробоватъ или дорожки своего сада, или съ такимъ удовольствіемъ въ лѣтній вечеръ можно накуматься чаю. Грустно видѣть, какъ многие, и очень многие, широчейшъ поучтываю и достойнѣе, домохозяйка, превращаютъ поляны.

34

ночь только सदोष्टъ звуковъ, а не на логической связи этихъ словъ. Не слышно еще было никогда и тогда такъ приоткрыть, чтобы имена городовъ заимствованы были отъ особеннаго характера, подмеченнаго въ динио-мъ подъ тѣхъ рубъ, при которыхъ стоитъ эти города, или отъ направления русла рѣчлага,—когда-ли онъ (шесозъ) или другою влеть у города. При томъ можно да знать набриво, что тысячу лѣтъ тому назадъ, въ языкѣ первыхъ строителей Пскова существовала уже слова *пласо* и *пласкати*, и по было какого забуду дру-таго слова, которое бы съ слогомъ *Плесковъ* не только сходно было по звукамъ, но и могло бы и логическую связь?

По свѣдѣтельству Митрополита Евгения, некоторые объясняютъ происхождение назанія *Плесковъ*—вобще: они говорятъ, что Ольга во время путешествія своего въ Константинополь, увидѣвъ почему то Болгарскій городъ *Плескову*, назвала этимъ же именемъ и свой городъ, т. е. нынешній Псковъ. Это объясненіе можно бы было допустить, только какъ *догадку*, если бы Псковъ дѣйствительно построенъ былъ Ольгой. Жандеисатель Ольга произвондигъ назаніе Пскова отъ рѣки Псковы, которая, —подсвѣдѣтъ Митрополитъ Евгений,—такъ названа отъ песчаннаго озера и песковъ, назъ которыхъ она вытекаетъ и которые окружаютъ со всѣхъ сторонъ г. Псковъ. Но а) жандеисатель Ольга, передавая легенду, записанную первоначально въ Степенной книгѣ, произошло имѣннѣтъ слово *Плескова* во *Пскову*. Въ до-тегдашнемъ изданіи: рѣка *Плескова*, а не *Пскова*. б) Выше сказано уже было, что слово *Плесковъ* есть только сокращеніе слова *Плеское*, следовательно не имѣеть никакой родственной связи съ слогомъ *пласо*.

33

сталъ ихъ неудовлетворительны. Нельзя также сказать положительнаго—основанъ ли Псковъ до Рюрика, или при Рюрикѣ или въ началѣ княженія Олега. Въ лѣтописяхъ (а то не во всѣхъ спискахъ) глаголю только говорятъ, что Славяне послѣ пераго княганія Варговы, начали селити народы. Точно такое же глаголю упоминаніе объ этомъ есть и при Олгѣ.—Но что это были за роды, или изъ станицъ ихъ, ничего неизвѣстно. Въ пользу до—Рюриковскаго существованія Пскова говорятъ од-но только преданіе, существовавшее во Псковѣ во вре-мена лѣтописца, т. е. въ XIV столѣтіи: «только уф-дѣтомъ, или былъ уже (Псковъ) въ то время, какъ на-чалъ Князь Рюрикъ съ братією назъ Воратъ въ Славяне кланити.»

Въ заключеніи скажу еще нѣсколько словъ объ имени г. Пскова.

Въ лѣтописяхъ и другихъ старинныхъ памятникахъ писанности имя г. Пскова пишется различно: *Плесковъ*, *Плескоу*, *Плеско*, *Пскова*. Чѣмъ явнѣе на-мѣтнись, тѣмъ ионѣе это слово. Въ самыхъ древнихъ постононо илется *Плесковъ*. Въ такомъ же видѣ слово это осталося и до сихъ поръ въ нашихъ Остзейскихъ Губерніяхъ, которые обитатели вырѣдѣтъ узнали его отъ самихъ Псковичей. Следовательно слово *Псковъ* есть только сокращеніе слова *Плесковъ*.

Откуда взялась слово *Плесковъ*—рѣшить очень трудно.

Татищевъ (63) произвондигъ его отъ слова *пласо* или *пласкати*,—но очевидно, произвондигъ это основано на ок-63) См. его Истор. м. т. 2 стр. 290 примѣч. 128.

35

Изъ всего этого можно вывести только вотъ какия заключеніе: Псковъ назывался прежде Плесковъ. Слово Плесковъ постепенно соотвѣствовало слову Псковъ. Что значило слово Плесковъ—не вѣдано. Для объясненія этого слова вужно идти, во-первыхъ, тогда именно и къъ востроумію Пскова; во вторыхъ—быть знакомымъ съ языкомъ пермалъ его строителей.

Новое зданіе Псковской гимназии